

США – КИТАЙ: ТУПИКИ И ПАРАДОКСЫ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ

© 2020 г. А. И. Салицкий^{а,*}, Е. А. Салицкая^{б,**}

^аНациональный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

^бМосковский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

*E-mail: sal.55@mail.ru

**E-mail: e.salitskaya@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.03.2020 г.

После доработки 05.04.2020 г.

Принята к публикации 23.04.2020 г.

В статье анализируются современные отношения США и КНР, которые во многом определяются выражением “торговая война”. Авторы делают акцент на экономических, политических и правовых аспектах этих отношений, прямых и косвенных последствиях торговой войны как для самих её участников, так и для мирового сообщества. Внимание фокусируется на первых месяцах 2020 г., когда, в частности, было подписано торгово-экономическое соглашение между сторонами. Рассматриваются отдельные разделы соглашения, в том числе касающиеся интеллектуальной собственности, продвижения на китайский рынок американских лекарств, а также обязательств Китая по закупкам американских промышленных товаров, сельскохозяйственной продукции и топлива.

Предпринимается краткий экскурс в историю торговой войны, показана позиция сторон, определены ключевые проблемы диалога. Рассмотрены новые факторы, оказывающие воздействие на этот диалог – начавшаяся рецессия в мировой экономике, возникновение и распространение эпидемии коронавируса. Оцениваются действия сторон по противодействию новым вызовам.

Ключевые слова: Китай, США, Д. Трамп, Си Цзиньпин, мировая экономика, международные отношения, американо-китайские отношения, торговая война, экономические санкции, китайский экспорт, пандемия COVID-19.

DOI: 10.31857/S0869587320070099

САЛИЦКИЙ Александр Игоревич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. САЛИЦКАЯ Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры “Интеллектуальная собственность”, начальник отдела правового сопровождения интеллектуальной собственности Центра интеллектуальной собственности МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Начало 2020 г. выдалось богатым на неожиданные события в мировой экономике и политике. Особенно заметным среди них стала вспышка коронавируса, охватившая, вслед за Китаем, многие азиатские и западные страны. Она способствовала яркому проявлению наиболее характерных черт их международной и внутренней политики, обнажила немало застарелых социальных недугов, привела к обострению давних и сравнительно новых противоречий. В общественном сознании стремительно нарастало ощущение тревоги, страницы СМИ и научных изданий заполнились прогнозами разного рода кризисов, уже развернувшихся и ожидаемых. Общим местом стало признание неадекватности имеющихся механизмов управления экономикой и международными отношениями на глобальном, региональном и страновом уровнях, многие политические лидеры

подверглись заслуженной и незаслуженной критике.

Особое внимание в первые месяцы 2020 г. было приковано к двум ведущим мировым державам: Китаю и США, отношения между которыми с приходом к власти администрации Д. Трампа складывались крайне непродуктивно. Инициированная Вашингтоном торговая война затронула не только хозяйства и политику обоих государств, но и деловой климат на всей планете, заставив авторитетных наблюдателей задуматься над прочностью сложившегося к исходу второго десятилетия XXI в. мирового порядка и необходимостью его кардинального изменения.

В предлагаемых читателю размышлениях, основанных на материале американо-китайских отношений второй половины 2010-х годов, мы попытаемся выяснить различия в подходах двух стран к их взаимоотношениям и актуальной мировой проблематике, мотивы и позиции различных участников этого взаимодействия. Отправной точкой анализа станут события 2020 г. с необходимыми историческими экскурсами.

ЯНВАРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ СТОРОН

15 января 2020 г. в Вашингтоне было подписано соглашение так называемой первой фазы между сторонами (далее “Соглашение”) [1]. С американской стороны его подписал президент Трамп, с китайской — заместитель премьера Лю Хэ, являющийся также членом политбюро ЦК КПК.

Стороны довольно долго шли к этому компромиссу. За годы пребывания Д. Трампа в Белом доме и Конгрессе была оформлена внушительная документально-правовая база давления на Китай. Началось всё с принятия Стратегии национальной безопасности в декабре 2017 г. (в ней Китай обозначен как “ревизионистская страна”) [2], в марте 2018 г. президент утвердил расследование торгового представителя США в отношении Китая на основе Закона о торговле 1974 г. [3]. Эту линию продолжили доклад Совета по торговле и промышленности [4], возглавляемого идеологом торговой войны против Китая П. Наварро, и два ежегодных доклада торгового представителя Конгрессу о соблюдении Китаем норм ВТО [5, 6]. Были приняты ограничения в отношении инвесторов из КНР [7]. Регулярно выходили бюллетени и годовые обзоры Комиссии конгресса по отношениям с Китаем в области экономики и безопасности.

В этих документах Китаю инкриминируется множество грехов. Это и нечестная коммерческая практика, и ограничение доступа зарубежного бизнеса на внутренний рынок, и экономическая агрессия, и субсидирование госпредприятий. Китай обвиняется в воровстве технологий и интел-

лектуальной собственности на сотни миллиардов долларов в год (!), кибершпионаже, поставках в США фентанила. Особо осуждается “вредоносная и ведомая государством меркантилистская политика”, способствующая огромной потере рабочих мест в американской промышленности, а также манипулирование курсом валюты. Кроме того, Вашингтон порицает Пекин за планы научно-технического развития — в том числе программу “Сделано в Китае 2025”, принятую в 2015 г. и содержащую ориентиры в области замещения импорта и выхода на мировой рынок в передовых технологиях. Констатируется, что действия Китая причинили серьёзный ущерб другим членам ВТО и многосторонней торговой системе, которая не была рассчитана на взаимодействие с нерыночной экономикой таких размеров, провозглашается, что для обуздания китайской политики США предпримут необходимые меры — пусть даже они и не вписываются в правила ВТО.

Столкнувшись со столь яростной атакой со стороны США, которая уже весной-летом 2018 г. привела к санкциям против китайской компании ZTE и повышению пошлин на товары, импортируемые из КНР общей стоимостью 50 млрд долл., Пекин ответил симметричным повышением тарифов на американские товары. Ранней осенью 2018 г. последовала реакция китайского правительства на предъявленные обвинения, в целом выдержанная в миролюбивом духе с многочисленными иллюстрациями взаимовыгодного экономического сотрудничества сторон [8]. При этом на эпизодических встречах представителей сторон (работа в рамках постоянных двусторонних форматов была прекращена по инициативе американцев) Китай давал понять, что готов решать проблему дисбаланса в торговле путём дополнительных закупок товаров из США.

На встрече лидеров двух стран в Аргентине в конце 2018 г. было решено возобновить постоянный переговорный формат с целью выработки соглашения. Однако в мае 2019 г. переговоры, занявшие 11 раундов, не привели к соглашению, и обе стороны возложили ответственность за это на партнёра. Последовал обмен новыми порциями дополнительных тарифов, кроме того, США объявили о санкциях против китайской компании “Хуавэй” в виде запрета на поставки ей микросхем американскими производителями. В чёрный список минторга США были включены и многие другие китайские компании и физические лица — всего около 150.

В конце июня 2019 г. на встрече в Осаке Д. Трамп и Си Цзиньпин договорились о двенадцатом раунде переговоров, однако и он не привёл к ощутимым результатам. В начале августа американский президент обрушил на Китай новый пакет пошлин и ещё более его ужесточил после

последовавшего асимметричного – на меньшую сумму – ответа Пекина. Конфликт достиг апогея.

В сентябре-октябре стороны начали делать первые шаги навстречу друг-другу: было объявлено о тарифных изъятиях на некоторые важные товарные позиции и отсрочках во введении новых пошлин. В начале октября состоялся тринадцатый раунд переговоров, удалось договориться лишь о продолжении работы над соглашением, разбив его на фазы. В середине декабря было объявлено о достижении консенсуса относительно первой фазы. Вашингтон согласился не вводить с 15 декабря новые тарифы на 160 млрд долл. импорта из КНР, а также сократить вдвое (до 7.5%) тарифы на 120 млрд долл., введённые в сентябре 2019 г. При этом 25-процентные тарифы на импорт из Китая на 250 млрд долл. сохранятся и после подписания соглашения, что делает его явно асимметричным.

В то же время Пекин обозначил предел уступок: по системным вопросам, то есть касающимся участия государства в экономике, он на компромиссы не пойдёт. Характерно, что 22 ноября в газете “Жэньминь жибао” была опубликована статья Лю Хэ, в которой он подчеркнул, что Китай будет продолжать усиливать и развивать государственный сектор экономики.

После непродолжительной доработки 15 января 2020 г. соглашение было подписано. Оно содержит шесть основных разделов, включая интеллектуальную собственность, передачу технологий, торговлю сельхозпродукцией, финансовые услуги, макроэкономическую политику и валютный курс, а также расширение торговли. Предусмотрен постоянно действующий двусторонний механизм разрешения споров.

В первом разделе содержатся обязательства сторон в области интеллектуальной собственности. В частности, предусматривается защита конфиденциальной деловой информации, включающей торговые секреты, процессы, стили и способы работы, сделки, логистику, данные о клиентах, запасах, прибыли, убытках и расходах, а также любой другой информации, имеющей коммерческую ценность. Стороны на взаимной основе обязуются предпринимать действия против нарушений, включая внесение поправок в законодательство. Бремя доказательства в делах о незаконном приобретении торговых секретов в соответствии с Соглашением лежит на ответчике. Стороны также договорились о быстрых превентивных мерах, направленных против незаконных приобретений торговых секретов. Договорились и о том, что истец не должен предоставлять информацию об убытках в качестве обязательного условия для начала разбирательства дел о незаконных приобретениях торговых секретов. Кроме того, Китай обязуется запретить разглашение

конфиденциальной информации и торговых секретов административными органами, ограничить их требования к бизнесу о предоставлении такой информации. Особым пунктом Соглашения предусматривается неразглашение коммерческой информации, касающейся фармацевтической продукции. Оговариваются также меры по скорейшему разрешению споров о патентах, устранению необоснованных задержек в их рассмотрении. Определённые подразделы относятся к мерам предотвращения распространения пиратства и подделок в онлайн торговле, защиты авторских прав, географических указаний в товарных знаках, уничтожения контрафактной продукции и т.п.

Вопросы, касающиеся интеллектуальной собственности, отражённые в Соглашении, включают: “Коммерческую тайну и конфиденциальную деловую информацию” (параграф В), “Интеллектуальную собственность в сфере фармацевтики” (параграф С), “Патенты” (параграф D), “Пиратство и контрафакцию на платформах электронной торговли” (параграф E), “Географические указания” (параграф F), “Производство и экспорт пиратских и контрафактных товаров” (параграф G), “Недобросовестные товарные знаки” (параграф H), “Судебное исполнение и процедуры в делах по интеллектуальной собственности” (параграф I) и “Двустороннюю кооперацию в области охраны интеллектуальной собственности” (параграф J).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что раздел, посвящённый интеллектуальной собственности, структурирован не по принципу вида охраняемых объектов, что характерно как для большинства национальных законодательств, так и для международных договоров (например, вторая часть Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [8]), а, скорее, с точки зрения сферы охраняемых экономических интересов. По объективному признаку выделены только параграфы, касающиеся коммерческой тайны и конфиденциальной деловой информации, патентов, географических указаний и товарных знаков. Однако и здесь признак объекта достаточно условен. Так, в параграфе, обозначенном как “Патенты”, речь идёт практически исключительно о патентах в фармацевтической области (точнее, о продлении срока их действия в случае, если имели место неоправданные задержки при выдаче патента или разрешения на выпуск препарата на рынок), в то время как изобретения в других секторах экономики не упоминаются.

Выделение в самостоятельный параграф вопросов охраны коммерческой тайны и конфиденциальной информации, безусловно, логично и основывается на признаке объекта. Нельзя, одна-

ко, не отметить, что, с юридической точки зрения, эта категория объектов видится весьма неопределённой. В отличие от тех же изобретений, охраняемых патентными правами, коммерческая тайна не имеет единого, принятого во всём мире режима охраны, более того не во всех юрисдикциях она признаётся объектом интеллектуальных прав¹, не говоря уже о возможности достаточно широкой трактовки такого понятия, как “конфиденциальная деловая информация”. Видимо, соответствующие положения Соглашения проистекают из национального права США, где понятия и коммерческой тайны, и конфиденциальной деловой информации имеют законодательные дефиниции (первое – в Акте о защите коммерческой тайны 2016 г. [10], второе – в § 201.6 Свода федеральных законов США [11]) и обеспечены правовой охраной. В Китае же самостоятельного закона о коммерческой тайне нет, на подзаконном уровне приняты “Некоторые положения о запрете незаконного использования коммерческой тайны” [12], которые призваны обеспечить исполнение Закона КНР “О борьбе с недобросовестной конкуренцией” [13].

Включённая в Соглашение дефиниция конфиденциальной деловой информации практически полностью дублирует определение соответствующего понятия в законодательстве США. Это и неудивительно: пункты Соглашения, касающиеся интеллектуальной собственности, в целом выглядят как попытка внедрить в национальное право Китая отдельные положения американского права. Об этом свидетельствует сама конструкция большей части статей первого раздела: заявление декларативного характера о том, что стороны обязуются охранять какие-либо права и интересы, – обязательство КНР ввести конкретные правовые нормы в соответствующей области – гарантия со стороны США, что действующие на их территории нормативные условия обеспечивают правовой режим, равноценный режиму, предусмотренному статьёй.

Структура раздела Соглашения, посвящённо интеллектуальной собственности, в значительной большей степени определяется сферами экономических интересов, нежели особенностями правовой природы различных объектов. О чьих же интересах главным образом идёт речь? Очевидно, что и намерение инкорпорировать в правовую систему КНР нормы национального законодательства США, и выбранные для урегулиро-

вания в Соглашении аспекты интеллектуальной собственности отражают интересы американской стороны. Так, сразу два параграфа Соглашения фактически призваны обеспечить права фармацевтических компаний – сектора, который сегодня, безусловно, сильнее развит в США. В 2019 г. Соединённые Штаты занимали седьмое место в мире по экспорту фармацевтической продукции, в то время как Китай в число 15 государств – лидеров по этому показателю не входит [14].

Охраной коммерческой тайны и иной конфиденциальной информации также в первую очередь озабочены оперирующие на китайском рынке американские компании, которые опасаются, в частности, разглашения таких сведений в результате действий уполномоченных государственных органов КНР. Этому вопросу специально посвящена статья 1.9 Соглашения, которая запрещает раскрытие коммерческой тайны и другой доверительной информации административными органами Китая, обязывает их ограничить предъявление требований к бизнесу о предоставлении соответствующих данных.

Не вызывает сомнений, что именно интересам США служат положения о противодействии пиратству и контрафакции на платформах электронной торговли. Ни для кого не секрет, что в настоящее время соблюдение интеллектуальных прав на популярных торговых площадках типа AliExpress носит крайне условный характер. Причём если раньше китайских производителей обвиняли главным образом в нарушении прав на товарные знаки, то сейчас акцент смещается в сторону авторских прав и прав на промышленные образцы: отказываясь от размещения на своей продукции символики известных брендов, китайские производители в то же время активно заимствуют сами модели изделий, создавая весьма точные реплики оригинальных товаров. Линию противодействия производству и экспорту дешёвой продукции, копирующей изделия известных брендов, продолжают и параграфы G и H Соглашения о производстве и экспорте пиратских и контрафактных товаров, недобросовестном использовании товарных знаков.

Следует заключить, что посвящённый интеллектуальной собственности первый раздел Соглашения не только базируется на действующих в США правовых нормах, но и призван обеспечить экономические интересы именно этой стороны. Позволит ли это Соединённым Штатам приблизиться к победе в торговой войне, которая неизбежно всё больше будет перетекать в русло технологий и прав на нематериальные активы, покажет время.

Во втором разделе Соглашения рассматриваются вопросы передачи технологий. Указывается, в частности, что стороны не должны требовать

¹ Например, согласно российскому законодательству, коммерческая тайна не является интеллектуальной собственностью в юридическом смысле данного понятия. Интеллектуальные права на информацию, составляющую коммерческую тайну, возникают только в том случае, если в режиме коммерческой тайны охраняются сведения, составляющие секрет производства (о понятии секрета производства см. ст. 1465 ГК РФ [9]).

передачи технологий в связи с получением разрешений на инвестирование и создание совместных предприятий, а также разглашать конфиденциальную техническую информацию при осуществлении разного рода административных процедур.

Третий раздел посвящён торговле сельскохозяйственной продукцией и продовольствием. Таможенное управление КНР и Агентство продовольствия и лекарств США обязуются предпринять меры для снятия ограничений на ввоз молочных продуктов из Китая в Соединённые Штаты в связи с обнаружением в них меламин. Определяются сроки и порядок проверки качества, санитарного состояния, стандартизации и сертификации американских молочных продуктов для вывоза в Китай. Аналогичным образом оговаривается экспорт в Китай американского куриного мяса, говядины, племенного скота, свинины и мясных продуктов, продукции водных промыслов, риса, картофеля, нектаринов, черники, авокадо, ячменя, люцерны, пищевых добавок, кормов для животноводства, корма для собак и кошек и т.д. Предусмотрены Соглашением и ответные меры США в области импорта продукции сельского хозяйства КНР, включая бонсай, груши, цитрусовые, ююбу и пр. Стороны договорились также о необязательности санитарного контроля для торговли морожеными фруктами и овощами.

В четвёртом разделе говорится о взаимном допуске на рынок финансовых услуг. Речь идёт о депозитарных и поручительских операциях на фондовых рынках, работе рейтинговых агентств, требованиях к капиталу зарубежных отделений. Здесь же оговаривается допуск на рынки обеих стран операторов электронных платежей, а также компаний по управлению активами.

В пятом разделе США и КНР подтверждают свои обязательства воздерживаться от конкурентных девальваций национальных валют, регулярно обмениваться информацией о состоянии платёжного баланса, валютных резервах, своевременно публиковать данные об экспорте и импорте товаров и услуг.

Наиболее примечательный и практически беспрецедентный для истории международной торговли – шестой раздел соглашения, в котором формулируются обязательства Китая по закупке товаров и услуг в США в 2020–2021 гг. Эти обязательства сгруппированы в четыре категории и уточняются в приложениях к Соглашению.

В первой категории числится продукция обрабатывающей промышленности США, которой Китай в 2020 г. обязуется приобрести на 32.9 млрд долл. больше, чем в 2017 г., а на 2021 г. запланирована закупка таких товаров на сумму в 44.8 млрд долл. больше уровня базового 2017 г. В эту группу входят микросхемы – крупнейшая статья китайского

импорта. Ко второй категории относится агропродукция – её китайцы закупают в 2020 г. на 12.5 млрд долл. больше, чем в 2017, а в 2021 г. – на 19.5 млрд долл. Третья категория – энергоресурсы, оговорённые приросты – 18.5 и 33.9 млрд долл. Наконец, четвёртую категорию составляют услуги, которых китайцы пообещали купить больше на 12.8 и 25.1 млрд долл. соответственно. Общая сумма весьма внушительна: прирост импорта американских товаров и услуг в КНР в 2020 г. составит 76.7 млрд долл., в 2021 г. – 123.3 млрд долл. Итого за два года – 200 млрд долл. (это примерно 5% двухгодичного китайского импорта).

Соглашение содержит статью 7.2 с оговоркой об обстоятельствах непреодолимой силы, которые не заставили себя ждать: в первом квартале 2020 г. планету постигла пандемия коронавируса. Поэтому очевидно, что часть соглашения, в особенности его шестой раздел, ещё будут обсуждаться и корректироваться сторонами. Пока же отметим один из парадоксов современных отношений Китая и США. Вашингтон выходит за рамки им самим же созданной системы регулирования международной торговли и оказывает сильнейший нажим на крупную развивающуюся страну, настаивая на том, чтобы фактически стать её топливным и продовольственным придатком.

ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ

Обмен первыми пакетами пошлин летом 2018 г. не оказал сколько-нибудь серьёзного воздействия на экспорт Китая в США: он продолжал расти и увеличился за год на 11.3%. Импорт из США в КНР оказался в том же году более чувствительным и стагнировал.

Усиление тарифного давления на Китай в 2019 г. было более результативным с точки зрения защиты американского рынка. По состоянию на начало 2020 г. китайско-американская торговля понесла уже весьма заметные потери: экспорт Китая за 2019 г. сократился на 12.5%, а импорт – на 20.9% (табл. 1, 2). Одновременно началось сокращение притока прямых инвестиций из Китая в США. С 47 млрд долл. в 2016 г. они снизились до 30 млрд в 2017 г., а в последующие два года не превышали 5 млрд долл. Более того, в 2019 г. начались массированные продажи активов китайцев в США – как юридических, так и физических лиц [15].

Значительные перемены, прежде всего резкое сокращение китайского экспорта, затронули китайско-американскую торговлю в первом квартале 2020 г. Однако они уже в меньшей мере были результатом торговой войны, а в большей – следствием глубоких потрясений экономической жизни, вызванных борьбой с коронавирусом

Таблица 1. Торговля КНР с США в 2015–2019 гг., млрд долл.

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019
Импорт США	482	463	505	562	492
Импорт КНР	149	134	154	155	123
Сальдо торгового баланса	333	329	351	407	369

Примечание: составлено по данным таможен Китая и США.

(табл. 2). Заметим, впрочем, что Китай, несмотря на жёсткие карантинные меры, старался выполнять обязательства по закупкам американской продукции, определённые Соглашением, увеличив, в частности, ввоз американского СПГ и сельхозпродукции. В первом квартале 2020 г. вдвое (до 7.8 млн т) увеличился ввоз сои-бобов, в 6 раз (до 168 тыс. т) – свинины, на 43% (до 125 тыс. т) – хлопка.

Заслуживает внимания тот факт, что торговая война с США не оказала заметного негативного воздействия на инвестиционный климат в Китае. И в 2018, и в 2019 г. приток прямых иностранных инвестиций продолжал увеличиваться, их прирост составил 3 и 2.4% соответственно. Среди известных американских корпораций, начавших крупные инвестиционные проекты в КНР, были Tesla, Exxon Mobil, Apple, Micron Technology и многие другие.

Можно также констатировать, что затеянная кабинетом Трампа торговая агрессия против Китая, не оказав сильного влияния на хозяйство и внешнеэкономические связи Поднебесной, принесла весьма скромные результаты с точки зрения увеличения занятости в США (даже если согласиться с тем, что такая связь существует). В марте 2010 г. (нижняя точка после кризиса 2008–2009 гг.) занятость в обрабатывающей промышленности достигала 11.453 млн человек, к приходу Трампа во власть в феврале 2017 г. этот показатель подрос до 12.384 млн, составив в марте 2020 г. 12.839 млн человек [16]. Иными словами, новых рабочих мест в обрабатывающем секторе при Трампе к весне 2020 г. (то есть почти за четыре года) появилось около 400 тыс., в то время как при его предшественнике только за два с половиной года эта цифра составила 330 тыс. При этом значительная часть такого прироста при Трампе была связана с переработкой

подешевевшей нефти и природного газа – производством пластмасс, синтетических волокон и т.п. на фоне замедления темпов автоматизации и внедрения роботов в американской промышленности.

В то же время торговая война Трампа против Китая имела заметное косвенное негативное влияние на всю ситуацию в мировой экономике и торговле, посеяв растерянность и пессимистический настрой среди инвесторов. По мнению большинства аналитиков, торговая война между двумя лидерами глобальной экономики стала одной из причин постепенного сползания мирового хозяйства в рецессию в 2020 г. В 2019 г. значительно понизились темпы роста экспорта и ВВП практически всех стран Восточной Азии, особенно заметно эта тенденция проявилась во второй половине года. Замедлился экономический рост в Европе, да и в самих США. В последнем квартале 2019 г. был отмечен негативный рост ВВП в Японии и Гонконге. Пандемия COVID-19 на фоне слабейшей экономической динамики резко ухудшила положение в мировом хозяйстве.

Вышедшие в середине апреля 2020 г. данные о географическом распределении внешней торговли КНР в первом квартале года стали индикатором тяжёлого состояния конъюнктуры как в Китае, так и в странах-партнёрах (табл. 3). Заметим, впрочем, что единственным и потому особенно ценным примером сохранения положительной динамики в торговле с КНР оставались страны АСЕАН. Нелишне упомянуть, что в целом китайский экспорт понёс куда более значительные потери, чем импорт, что позволило партнёрам КНР несколько поправить своё валютное положение.

Казалось бы, такая ситуация должна была вызвать беспокойство у Пекина (торговый баланс страны в первом квартале 2020 г. был сведён с минимальным положительным сальдо, а за первые два месяца оказался отрицательным), но признаков этого не наблюдается. Во-первых, остаются очень значительными валютные резервы страны, во-вторых, сокращается отрицательное сальдо в торговле международными услугами, которое в основном формируется за счёт расходов китайских туристов за рубежом, к выгоде Китая обращается и снижение цен на нефть и природный газ на мировом рынке. А сокращающийся актив в торговле с США позволяет рассчитывать на более благоприятные условия нормализации связей с

Таблица 2. Сокращение торговли КНР с США в 2019–2020 гг. в годовом исчислении, %

Показатели	Январь–Март 2019 г.	Январь–Декабрь 2019 г.	Январь–Март 2020 г.
Экспорт КНР	–8.5	–12.5	–25.2
Импорт КНР	–31.8	–20.9	–3.7

Примечание: составлено по данным таможи КНР.

гегемоном после преодоления последствий пандемии, если, конечно, в Вашингтоне придут к пониманию необходимости компромисса.

К числу косвенных следствий торговой войны США против Китая следует, по-видимому, отнести продолжившуюся с новой силой перегруппировку глобальных цепочек добавления стоимости (ГЦС) в азиатском регионе. Часть трудоёмких и сборочных производств выводится из Китая в страны Юго-Восточной и Южной Азии, откуда готовые изделия продолжают поступать на рынки США и Европы. В ряде случаев происходит замыкание цепочек изготовления тех или иных изделий на сбыт в самих странах Азии. Косвенным индикатором данного процесса можно считать переориентацию экспорта Гонконга на страны Азии – с 54% в 2000 г. до 76% в 2018 г., с уменьшением доли Северной Америки с 26 до 9% за тот же период [17, с. 150]. Становится очевидным, что зависимость Китая от экспорта готовых изделий в США не столь уж критична, более того, преодолима. Это, разумеется, не означает отказа от работы на американского потребителя – в последние два года резко активизировались разного рода обходные манёвры по поставке китайских товаров в США. Сборочные стадии экспортных производств выносятся за рубеж: в Бангладеш, Вьетнам, Малайзию, на Филиппины и Тайвань. Включаются механизмы трансфертных цен, используется распыление вывоза на адресную (и беспешлинную) доставку товаров конечному американскому потребителю [18].

Наконец, нет сомнений, что со временем торговая война Трампа против Китая начнёт надоедать публике и вызывать раздражение у бизнеса, в общем и целом не расположенного к возвращению рабочих мест из Китая в США – это дорогое и рискованное предприятие. Такому возвращению (решорингу) теперь мешает распространение пандемии на США, вызвавшее весной 2020 г. обвал на рынке труда и резкое ухудшение экономических перспектив страны. Между тем для борьбы с инфекцией в США стали остро необходимы поставки санитарно-лечебного оснащения и активных ингредиентов лекарственных препаратов из Китая (на многие из которых в рамках Соглашения повысились пошлины), а изготавливаются они в том числе с участием американских предпринимателей. Часть из них была поставлена в США в виде гуманитарной помощи от китайских компаний. К концу апреля КНР поставила за океан почти 3,5 млрд медицинских масок, 300 млн пар перчаток, около 6 тыс. аппаратов для вентиляции лёгких и т.п. Затрачивая впятеро больше денег на здравоохранение, США, как выясняется, уступают Китаю в производстве необходимых средств защиты и подготовке медперсонала для чрезвычайных ситуаций.

Таблица 3. Внешняя торговля Китая в первом квартале 2020 г., в % к первому кварталу 2019 г.

Торговые партнёры	Экспорт КНР	Импорт КНР
Всего	–13.3	–2.9
ЕС (27)	–16.0	–7.0
Великобритания	–26.5	–8.3
США	–25.2	–3.7
АСЕАН	0.4	8.4
Япония	–16.0	–4.7
Республика Корея	–11.3	–5.5
Гонконг	–16.8	–31.8
Австралия	–15.2	0.6
Россия	–14.6	17.3

Примечание: составлено по данным таможи КНР.

Собственная уязвимость вызвала в апреле парадоксальную реакцию: СМИ и некоторые официальные лица США выступили с требованиями взыскания с Китая ущерба, якобы нанесённого американцам сокрытием китайцами информации о коронавирусе. Подобное шулерство можно отнести к косвенным эффектам торговой войны, постоянно подпитывающей антикитайские настроения в американском обществе. По данным опросов Pew Research Centre, негативное отношение к Китаю в марте 2020 г. выражали 66% американцев – против 55% в 2016 г. и 47% в 2017 г., когда к власти пришёл Д. Трамп [19].

К ПРЕОДОЛЕНИЮ СПАДА

На фоне эпидемии падение ВВП КНР в первом квартале нынешнего года составило 6,8%, но уже в марте ситуация начала улучшаться. В феврале–апреле, раньше других стран преодолев эпидемию, Китай приступил к восстановлению хозяйства. Надо учитывать, что на экономическую ситуацию в стране повлияли и другие проблемы: в частности, вследствие вспышки африканской чумы в 2019 г. более чем на 20% сократилось поголовье свиней и производство мяса, существенно выросли цены на всю продукцию животноводства; из-за санитарных мер резко повысились цены на овощи – крестьяне во многих провинциях не могли добраться до городских рынков. Это усугубило последствия спада экономики и экспорта, обусловленные сначала останковкой части предприятий, затем сокращением зарубежных заказов. Свою негативную роль играли и тарифные барьеры в США, непосредственное значение которых, впрочем, стало уменьшаться из-за начавшегося общего падения спроса в американской экономике в марте–апреле.

Таблица 4. Структурные показатели экономики КНР в 2010 и 2019 гг., % к ВВП

Отрасли экономики	2010	2019
Сельское хозяйство	9.3	7.1
Промышленность	46.5	39.0
Услуги	44.2	53.9
Сбережения	51.4	43.9
Накопление	47.7	43.6
Потребление домохозяйств	35.6	40.0
Государственное потребление	12.9	14.9
Банковские кредиты	142.0	218.0
Агрегат М2	176.1	200.1
Вклады населения	77.1	82.9

Составлено по: Key Indicators for Asia and the Pacific 2019. Asian Development Bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/521981/ki2019.pdf> (дата обращения 15.02.2020). Р. 100, 104, 124, 128; данные ГСУ КНР.

Таблица 5. Прирост ВВП, инвестиций и производительности труда в КНР в 2016–2019 гг., %

Показатели	2016	2017	2018	2019
ВВП	6.7	6.8	6.6	6.1
Инвестиции в основные фонды	7.9	7.0	5.9	5.1
Производительность труда	6.4	6.7	6.6	6.2

Примечание: данные ГСУ КНР.

Повторим, что уже в марте 2020 г. появились первые признаки улучшения ситуации в китайском хозяйстве. Нормализация снабжения продовольствием привела к снижению индекса потребительских цен с 5.2% в феврале (в годовом исчислении) до 4.3% в марте, а продовольственных — с 21.9% до 18.3%. К концу месяца возобновили работу 95–99% оптовых продовольственных рынков и сетевых магазинов, восстановив прошлогодний объём продаж. Хуже обстояли дела в торговле промышленными товарами, в которой продажи составили половину прошлогоднего уровня. К концу месяца открылись 80% предприятий общественного питания и 60% гостиниц [20].

Несмотря на напряжённую хозяйственную ситуацию внутри страны и неблагоприятные внешние условия, руководство Китая своевременно определилось со стратегией преодоления спада. В выступлении премьера страны Ли Кэцзяна на заседании правительства 12 марта подчёркивалось, что главное теперь не темпы роста, а проблема занятости [21], позднее ключевое значение этого параметра в экономической политике страны на ближайшую перспективу подтвердил и Си Цзинь-

пин. Судя по уже принятым мерам, в Пекине решили пока не прибегать к сверхкрупной закачке кредитов в экономику (хотя денежно-кредитная политика в последние месяцы 2019 г. и в начале 2020 г. существенно смягчилась — несколько раз понижались базовые процентные ставки и норма резервирования). Увеличены государственные расходы, в том числе адресная помощь наименее обеспеченным слоям населения, продолжилась либерализация условий работы в Китае иностранного капитала.

В этом важное отличие от способа преодоления грозившего в 2009 г. спада — способа, который китайские экономисты впоследствии окрестили “орошением большой водой”, имея в виду массивную закачку денег в экономику. Помимо позитивных, эта тактика имела и ряд долгосрочных негативных последствий в виде финансовых пузырей и плохих долгов. Напомним, что во время предыдущего кризиса Китай также столкнулся с резким падением спроса на экспортную продукцию: в первом полугодии 2009 г. вывоз сократился на 25–27%, а по итогам года — на 16%, в том числе в США — на 12.5%. Но чрезмерного отрицательного воздействия на экономический рост это не имело, как и сокращение экспорта в 2015 и 2016 гг. Сегодня китайское хозяйство ещё меньше зависит от внешних факторов и способно легче перенести их ухудшение². Куда больше китайское руководство волнует внутренняя ситуация.

Чтобы понять уже предпринятые и возможные действия китайских властей по преодолению спада, следует остановиться на базовых особенностях хозяйства КНР и изменениях, происходивших в последние десять лет и особенно в годы тринадцатой пятилетки (2016–2020 гг.). Из таблицы 4 хорошо видно, что ведущей отраслью экономики страны стали услуги, хотя их удельный вес пока заметно ниже, чем в большинстве развитых и развивающихся стран. По-видимому, этим, а также традиционной бережливостью китайцев объясняется ещё сравнительно робкая поступь потребительской революции в качестве двигателя развития. В результате экономического роста по-прежнему в значительной, хотя и убывающей степени обеспечивается инвестициями и кредитом. Эффективность инвестиций повышается (табл. 5), поэтому китайские руководители явно не склонны менять общую картину относительной сбалансированности хозяйства и финансов посредством значительной кредитной накачки.

² В 2010–2019 гг. номинальный ВВП Китая вырос примерно с 40 до 100 трлн юаней, то есть в 2.5 раза. Экспорт товаров за тот же период увеличился с 1.58 трлн долл. до 2.5 трлн долл. — менее чем в 1.6 раза. Примерно равным в 2010 и 2019 гг. оставался курс юаня к доллару США. Зависимость страны от внешнего сбыта, таким образом, существенно сократилась.

При всей неотложности внутренних мер преодоления спада, вызванного эпидемией, назрела необходимость в радикальном оздоровлении международной обстановки. Китайские лидеры разного ранга не устают предлагать мировому сообществу помощь и совместные действия по обузданию вируса, одновременно подчёркивая важность общих усилий по выходу из начавшейся рецессии. Торговые войны в таких обстоятельствах – непозволительная роскошь. Как представляется, понимание этой нехитрой истины понемногу распространяется от деловых кругов к вершинам политического олимпа США. После подписания январского соглашения Д. Трамп разрешил, в частности, продажу Китаю высокотехнологичных авиадвигателей компании “Дженерал Электрик”, продлил разрешение на поставку микросхем компании “Хуавэй” и т.д. Бывший экономический советник Дж. Байдена Дж. Бернштейн ещё до этих шагов заявил, что в случае победы на выборах 2020 г. кандидата в президенты США от демократической партии ему следует в первый же день правления отказаться от торговой войны с Китаем [22].

Однако игры вокруг фигуры будущего хозяина Белого дома, похоже, не очень занимают Пекин. Важно другое: и в нынешних тяжёлых условиях можно не сомневаться в том, что Китай продолжит политику благоприятствования бизнесу – своему и чужому, включая американский, позиции которого, кстати, достаточно сильны в экспортном секторе страны. В Пекине чётко проводят разграничительную линию между компаниями США и вашингтонским истеблишментом, как бы не замечая иной раз их тесного взаимодействия, в том числе и направленного против китайских интересов. Обозначив в конце мая 2019 г. намерение создать свой список ненадёжных американских компаний, организаций и физических лиц, КНР пока не предпринимала ограничительных мер в отношении американского бизнеса. Общий подход обозначил китайский международник Ван Цзисы: «Когда американское правительство ограничивает “Хуавэй”, то китайская корпорация должна настаивать на кооперации с американскими предприятиями... нельзя ограничивать “Эппл” в Китае» [23]. Интересно, что такая позиция материализовалась в апреле 2020 г., когда китайская печать сообщила о международном проекте сотрудничества в области создания информационного центра в Уланчабе (Внутренняя Монголия) с участием компаний “Хуавэй”, “Алибаба” и “Эппл” [24].

В то же время ориентация на конструктивный диалог с зарубежным бизнесом не меняет базового подхода Пекина, обозначенного ещё в середине 1980-х годов: “В целях быстрого развития всех звеньев производства и строительства... активно развивать экономическое сотрудничество и тех-

нический обмен с зарубежными странами на основе неуклонного претворения в жизнь принципа независимости и самостоятельности, опоры на собственные силы, равенства и взаимной выгоды, соблюдения договорённостей” [25, с. 25]. Со временем опора на собственные силы привела к образованию на территории Китая крупнейшей и наиболее диверсифицированной промышленной системы в мире³. Она способна сохранить потенциал развития даже в условиях полуизоляции, а “развитие связей с внешним миром, – как писали китайские стратеги реформы, – предполагает ещё большее расширение связей между различными районами внутри страны” [25, с. 27]. Внутренний рынок, естественно, выручит КНР и на этот раз, как и превосходная транспортная и информационная инфраструктура, созданная в начале XXI столетия.

Незаменимость экономически сильного государства – а в ходе обострений торговой войны с США китайцы нередко апеллировали к Хартии экономических прав и обязанностей государств, принятой ООН в 1974 г. [27], – представляется особенно очевидной в кризисные периоды истории. Часть государственных задач в такие времена может взять на себя и крупный бизнес. Компании “Алибаба” и “Тенсент” в марте 2020 г. охотно откликнулись на просьбу китайского руководства трудоустроить 55 тыс. вышедших на пенсию военнослужащих Народной освободительной армии Китая. Для Поднебесной в наше время это вполне естественное событие.

* * *

Нельзя не обратить внимание на один существенный перекос в американских научных публикациях о торговой войне США с Китаем и отношениях двух стран в последние годы. К сожалению, наблюдается явное преобладание работ, посвящённых конфликтам, кризису в отношениях, борьбе за мировую гегемонию и т.п. Особое место в этом корпусе литературы занимают откровенно дилетантские творения П. Наварро [28], дышавшие конфликтом работы М. Пилсбери [29], Г. Алисона [30] и М. Бекли [31]. На заднем плане и вне сферы внимания нынешних американских политиков оказались куда более сбалансированные работы мирохозяйственников Д. Родрика [32], С. Роуча [33] и М. Уитта [34], а также

³ Международная статистика торговли добавленной стоимостью показывает, что Китай – единственная страна, сумевшая увеличить её долю в промышленном экспорте (на 12% с 1995 по 2014 г.). В 2000–2014 гг. Китай был также единственной страной, в которой доля трудовых доходов в добавленной стоимости повысилась [26, р. vi]. С 2009 по 2019 г., по данным статистики КНР, доля полностью изготовленной в стране экспортной промышленной продукции повысилась с 45 до 60%.

сотрудников Петерсоновского института международной экономики в Вашингтоне [35].

С. Роуч ещё в 2014 г. предсказал возможность возникновения торговой войны между США и Китаем как наименее желательного варианта эволюции двусторонних отношений. В качестве же пути их оздоровления и избавления от дисбалансов он рекомендовал повышение производительных инвестиций в США и ускоренное развитие сферы услуг и потребления в Китае. Как мы попытались показать, КНР эти советы во многом учла и в значительной мере преодолела некоторую гипертрофию производства. К сожалению, в США позитивных изменений гораздо меньше.

Наконец, последнее замечание, касающееся важного различия во взгляде на экономику у американцев и китайцев. У первых преобладает денежное её понимание (даже объём поставок топливных и продовольственных товаров в Соглашении они обозначают денежными суммами). Китайцы же, исторически привыкшие к ситуации постоянной нехватки жизненно важных ресурсов, более склонны рассматривать хозяйственную деятельность как удовлетворение жизненных потребностей населения — отсюда и устойчивая привычка к оценкам и планированию в натуральных показателях. Разумеется, между двумя этими взглядами нет непреодолимой стены, но есть, как говорится, нюанс, немаловажный для оздоровления и приведения в порядок нашей планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Economic and Trade Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China. January 15, 2020. https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf (дата обращения 19.04.2020).
2. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 15.04.2020).
3. Findings of the Investigation into China's Acts, Practices, and Policies Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation under Section 301 of the Trade Act of 1974. United States Trade Representative. March 2018. <https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF> (дата обращения 10.03.2020).
4. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World. White House Office of Trade and Manufacturing Policy. June 2018. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf> (дата обращения 10.03.2020).
5. 2017 Report to Congress on China's WTO Compliance. United States Trade Representative. January 2018. <https://ustr.gov/sites/default/files/files/Press/Reports/China%202017%20WTO%20Report.pdf> (дата обращения 10.03.2020).
6. 2018 Report to Congress on China's WTO Compliance. United States Trade Representative. January 2019. <https://ustr.gov/sites/default/files/2018-USTR-Report-to-Congress-on-China%27s-WTO-Compliance.pdf> (дата обращения 10.03.2020).
7. Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018. August 2018. https://home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRMA_0.pdf (дата обращения 08.08.2019).
8. The Facts and China's Position on China-US Trade Friction. Information Office of the State Council. The People's Republic of China. September 2018. http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/09/26/content_281476319220196.htm (дата обращения 19.04.2020).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс". Режим доступа: локальный (дата обращения 02.05.2020).
10. Defend Trade Secrets Act of 2016 (Public Law No. 114-153). <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/16087> (дата обращения 04.05.2020).
11. Code of Federal Regulations. 19 CFR 201.6 — Confidential business information. <https://www.govinfo.gov/app/details/CFR-2011-title19-vol3/CFR-2011-title19-vol3-sec201-6/summary> (дата обращения 04.05.2020).
12. Several Provisions on Prohibiting Infringements upon Trade Secrets. <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/6551> (дата обращения 04.05.2020).
13. Law of the People's Republic of China Against Unfair Competition (promulgated by People's Republic of China Presidential Order No. 10 on September 2, 1993). <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/849> (дата обращения 05.05.2020).
14. Central Intelligence Agency, The World Factbook Field Listing: Exports — Commodities. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (дата обращения 06.05.2020).
15. 2019 Report to Congress of the U.S.—China Economic and Security Review Commission <https://www.uscc.gov/sites/default/files/2019-11/2019%20Executive%20Summary.pdf> (дата обращения 20.04.2020).
16. Данные федерального управления статистики труда США <https://fred.stlouisfed.org/series/MANEMP> (дата обращения 20.04.2020).
17. Key Indicators for Asia and the Pacific 2019. Asian Development Bank. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/521981/ki2019.pdf> (дата обращения 15.02.2020).
18. Zhou C., Bermingham F. China-based firms look to obscure tariff loophole to dodge trade war, but US customs is cracking down. <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3024108/china-based-firms-look-obscure-tariff-loophole-dodge-trade> (дата обращения 12.11.2019).

19. https://cdn.i-scmp.com/sites/default/files/d8/images/methode/2020/04/22/8c85a2ba-834e-11ea-8863-2139a14b0dea_972x_001843.jpg (дата обращения 22.04.2020).
20. <http://www.ecns.cn/news/economy/2020-03-29/detail-ifzuwwmz9244514.shtml> (дата обращения 08.04.2020).
21. http://www.gov.cn/premier/2020-03/12/content_5490395.htm (дата обращения 15.03.2020).
22. *Bernstein J.* Trump's China Trade War Is Failing. Democrats Should Campaign Against It. <https://www.nytimes.com/2019/12/11/opinion/trump-china-trade.html> (дата обращения 12.12.2019).
23. China should cooperate with all nations, not be put off by US' aggressive trade war tactics, academic says. <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3014406/china-should-cooperate-all-nations-not-be-put-us-aggressive> (дата обращения 28.05.2019).
24. Inner Mongolia to invest 130 billion yuan in major infrastructure projects. http://innermongolia.chinadaily.com.cn/2020-04/17/c_471844.htm (дата обращения 18.04.2020).
25. Постановление ЦК КПК о реформе экономической системы. 23 октября 1984 г. // Экономическая реформа в КНР. Преобразования в городе 1979–1984. Документы. М.: Восточная литература, 1994.
26. Trade and Development Report 2018: Power, Platforms and the Free Trade Delusion. UNCTAD, 2018. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2018_en.pdf (дата обращения 28.05.2019).
27. U.S.–China Economic and Security Review Commission. Economics and Trade Bulletin. June 6. 2019. <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/June%202019%20Trade%20Bulletin.pdf> (дата обращения 18.07.2019).
28. *Наварро П.* Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / Пер., научная редакция А. Козуляева. М.: Вершина, 2007; *Наварро П., Отпу Г.* Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом / Пер., научная редакция Е.Н. Румянцева. М.: Синосфера, 2017.
29. *Pillsbury M.* The Hundred Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. New York: St. Martin Griffin, 2015.
30. *Allison G.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Houghton Mifflin Harcourt, May 2017.
31. *Beckley M.* Unrivaled: Why America Will Remain the World's Sole Superpower. Cornell University Press, 2018.
32. *Rodrik D.* Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy. Princeton University Press, November 2017.
33. *Roach S.* Unbalanced: The Codependency of America and China. Yale University Press, January 28, 2014.
34. *Witt M.* De-globalization: Theories, predictions, and implications for international business research // *Journal of International Business Studies*. 2019. April. V. 50. № 7. P. 1053–1077.
35. *Bergsten F.* China and the United States: Trade Conflict and Systemic Competition. Policy Brief, October 2018. <https://piie.com/publications/policy-briefs/china-and-united-states-trade-conflict-and-systemic-competition> (дата обращения 18.04.2020).